

КОГНИТИВНО–ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СЕМИОЗИСА

Н. Ф. Алефиренко
Россия, г. Белгород

Наиболее популярная в современной лингвосемиотике теория знака как единства материального и идеального, на наш взгляд, находится в противоречии с пониманием природы и сущности языка как психического феномена. Очевидно, что материальное не может быть свойством психического (см.: Рубинштейн С.Л. 1957). Попытаемся рассмотреть проблему с точки зрения взаимодействия физиологических и психических факторов семиозиса в русле известной дихотомии «язык - речь». Будем исходить из того, что в сознании человека внешний мир, с одной стороны, дан как некая объективная и независимая от него реальность, а с другой - представлен в субъективных переживаниях человека в виде образа мира. На первом этапе взаимоотношения человека и среды его обитания воспринимается в единстве. Но позже, по мере осмысления внешнего мира, человек постепенно дистанцируется от него, а позднее происходит даже противопоставление человека внешнему миру: *человек — субъект* отражения этого мира, а *внешний мир — объект* отражения. Отраженный в сознании человека мир превращается в психический феномен — в образ мира (Schwarz M. 1992: 36).

Биопсихические механизмы знакообразования. Представленная выше точка зрения - основа теории семиозиса, поскольку, на наш взгляд, правильно представляет закономерность знакообразования в его наиболее общих, контурных, очертаниях: идеальное — существенная характеристика психического. Однако сам процесс порождения идеального на этом этапе остается неосознанным, своеобразным «черным ящиком». На его входе внешний мир (причина), на выходе образ мира (следствие). Что внутри черного ящика - тайна за семью печатями. Технология создания образа мира во многих своих «узлах» остается до сих пор неизученной. Пока лишь ясно, что душа (= идеальное) пытается возвыситься над телесным (= материальным) миром. Об этом в свое время размышлял Гегель: «В феноменологии душа, посредством отрицания своей телесности, поднимается уже до чистого идеального тождества с собой, становится сознанием, становится «я», в противоположность к <.. > другому существует для себя» (Гегель, 1956: 54). Для понимания закономерностей лингвосемиозиса это положение

ние важно, подчеркнем, только как точка отсчета в поисках начальной фазы знакообразования, поскольку в дальнейшем более существенным представляется понимание сути *взаимодействия психического и физиологического*, а не их противоположенности. Основополагающим в решении столь непростой задачи служит учение И.П. Павлова об условнорефлекторной деятельности, поскольку именно в нем впервые показана синергетическая сопряженность физиологического и психического. Физиологическое в условном рефлексе проявляется в виде сложного взаимодействия организма со средой: изменения во внешнем мире с закономерной последовательностью вызывают соответствующие изменения в организме. Однако физиологическое в условном рефлексе служит лишь канвой, на которой, как говорил И.П. Павлов, создается «психологический узор» (1951: 152). Психическая природа условнорефлекторной деятельности проявляется в том, что условный рефлекс - одновременно и функция мозга, и отражение действительности. Для знакообразования психический аспект особенно важен, поскольку он открывает путь к пониманию взаимосвязи материального и идеального через важнейший закон психологии — закон ассоциации. Условный рефлекс, по И.П. Павлову, — один из частных видов ассоциации. Условный раздражитель — пусть и специфический, но своего рода знак. Центральным механизмом в условнорефлекторной деятельности выступает «замыкание временных связей». «Замыкание» означает формирование новых временных связей между различными элементами мозга, а «место этой замыкательной способности есть пункты сцепления нейронов» (Павлов И.П., 1951: 362). «Замыкание временных связей» - пожалуй, центральное звено в процессе знакообразования, поскольку здесь происходит превращение индифферентного раздражителя в *значимый, сигнальный*, и с этого момента сигнал становится заместителем безусловного раздражителя (первопричины познавательной деятельности человека). Предназначение сигнала как условного раздражителя вызывать «обратную связь», чтобы организм реагировал на сигнал так же, как он реагирует на соответствующий безусловный раздражитель. Именно здесь и происходит рождение в семиозисе идеального. Дело в том, что для того чтобы вызвать «обратную» реакцию, сигнал должен содержать в себе в «снятой», разумеется, форме действие безусловного раздражителя. «Снятая» форма как раз и является формой *идеализации* безусловного раздражителя в сигнале. Такого рода «замыкание временных связей» и «снятие» (идеализация) отражаемого предмета превращают сигналы в знак (сигналы сигналов), поскольку у них появляется важнейшее семиотическое свойство — оказывать *мотивационное* воздействие на психику человека. У него появляется собственно человеческая вторая сигнальная система - словесная, знаковая. Ее возможности «неограниченные». Словесный знак — единица второй сигнальной системы — кроме безусловнорефлекторной функции, обретает возможность выполнять индикативную, номинативную, когнитивную, прагматическую (как средство воздействия) и экспрессивную функции. Достаточно вспомнить прагматические возможности слова в гипнозе!

Представленные рассуждения позволяют с биопсихической точки зрения укрепить билатеральную теорию знака. Уже на начальной (сигнальной) стадии

семиозиса знак-сигнал предстает двуликим феноменом, обладающим в бытийном мире (как и все остальные явления действительности) своим собственным лицом, то есть первичной материальной плотью; обратной же стороной медали, связанной с «функциональным бытием» знака, его скрытым ликом выступает значение. Билатеральность знака, как видим, обусловлена единством физиологических и психических механизмов в условнорефлекторной деятельности человека.

Последний штрих в создании динамической картины лингвосемиозиса призван вывести билатеральные категории вербального знака из-под давления биопсихических категорий. Еще С.Л. Рубинштейн признавал, что отождествление понятий «физиологическое», «объективное» и «материальное» создает дополнительные трудно преодолимые противоречия (Рубинштейн С.Л., 1957: 41). По его убеждению, эти понятия не взаимозаменяемы. *Физиологическое* — все то, что относится к жизнедеятельности организма. *Объективное* — относящееся к объекту; предметный, реальный мир, не зависящее от природы и интересов субъекта. *Материальное* - вещное, телесное. Для понимания сущности знакообразования важно различать данные категории, но различать в их взаимосвязи. Физиологическое относится к процессам «естественного» знакообразования, объективное - к отражаемой реальной действительности, а материальное — к устройству языкового знака.

То же относится и к понятиям «психическое», «субъективное» и «идеальное». *Психическое* - само отношение образа к отражаемому предмету, и в этом плане в устройстве языкового знака оно противопоставляется физическому, телесному. *Идеальное* - это образ предмета знакообозначения, образ мира. *Субъективное* — все то, что относится к объективации в языковом знаке психического состояния субъекта и зависит от него. При этом субъективные категории содержания языкового знака следует отличать от личностных. Субъектом познания на его высшей, обобщающей стадии может выступать этноязыковое сообщество в целом. Последние три категории непосредственно характеризуют «функциональное бытие» знака — его семантику, составляющими которой являются смысл и значение знака (Алефиренко 2005: 69). Смысл — категория субъективно-объективная, поскольку это всегда смысл номинируемого предмета для субъекта. В свете изложенного выше смысл знака развивается в направлении от биологического к сознательному. Такой путь и способ развития смысла обуславливаются формированием значений. По Л.С. Выготскому, «значение есть категория общественного сознания, есть категория принципиально-языковая; значение, следовательно, объективно и устойчиво; оно отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в предмете и устойчивое в общественной потребности субъекта» (в кн.: Леонтьев А.А. 2001 209). Смысл открывает путь к значению и заканчивает его: *смысл — значение — смысл*. Смысл кристаллизует в себе схемы предметной деятельности, поэтому принадлежит не предмету, а деятельности. Поэтому на первой стадии формирования значения смысл входит в значение, точнее в семантическую структуру знака в виде минимальных смысловых элементов — сем. Значение принадлежит предмету. Отсюда термин

«значение предмета» (предметное значение). Значение предмета представлено теми свойствами, которыми предмет открыт субъекту.

Предметное значение. «Предметное значение» как гносеологическое понятие, по данным В.П. Зинченко и Б.М. Величковского, впервые предложил нашей науке М.М. Бахтин. Стимулом к такому нововведению послужили наблюдения над тем, как интерпретируется значение слова в лексикологии и как оно воспринимается в контексте художественного произведения. По его наблюдениям, лексическая семасиология ориентирована исключительно на прямую и непосредственную соотнесенность языкового знака с объектом знакообозначения, игнорируя при этом ту контекстуальную среду, в которой реализуется его значение (Бахтин, 1979). Ученый, к сожалению, не дает четкого определения вводимому понятию, хотя весьма обстоятельно его интерпретирует. Можно лишь предположить, что именно такую денотативную соотнесенность, представляющую предмет знакообозначения, М.М. Бахтин и называет «предметным значением». При этом отмечается его предельно «узкая» денотация. «Прямое предметно направленное слово, по его мнению, знает только себя и свой предмет, которому оно стремится быть максимально адекватным» (Бахтин М.М., 1979: 217). Однако такое толкование словесного значения не стало общепризнанным.

До настоящего времени в лингвистике нет единства в понимании и употреблении этого термина (см.: Соловьева Н.В., 1986: 50). Чаще всего предметное значение отождествляется с денотатом (десигнатом), или с обозначаемым объектом. Именно такое объяснение находим в «Философской энциклопедии»: «О знаке говорят, что он *обозначает* данный объект (объект, обозначаемый знаком, называется *предметным значением* знака) и выражает свое смысловое и экспрессивное значение» (ФЭ: 178). Не удивительно, что такого рода наивный материализм, отождествляющий лексическое значение с референтом (реальным, физическим предметом) не мог найти единодушной поддержки со стороны отечественных лексикологов (А.И. Смирницкий, А. Ветров, А.А. Уфимцева, А.М. Бабкин, В.Н. Телия и др.). Так, выступая против такого отождествления, предлагается рассматривать данный вид значения как *соотносительную* характеристику слова, необходимый признак слова, функционирующего в качестве знака предмета (А. Ветров).

Согласно другой концепции, под предметным значением понимается образ отдельных, единичных предметов, возникающий в процессе отнесенности слова к предмету обозначения. Если принять эту точку зрения, становится понятным почему предметное значение формируется уже в детском возрасте, в игре. Смысл игры, по Выготскому, в том, что ребенок начинает осознавать свои собственные действия и осознавать, что каждая вещь имеет значение (Выготский Л. С., 1966: 291) — предметное, разумеется. Предметные значения окружающих нас вещей, находясь между собой в определенных связях и отношениях, образуют некое смысловое поле. Смысл вещи определяется через опору на другую, связанную с первой, вещь. Так, палочка для ребенка становится лошадкой, изогнутая сухая ветка — автоматом, а обычный коробок из-под обуви — автомобилем. Это простейший («детский») способ установления смыслового значения предме-

та. Другой способ — опора на слово, когда ребенок за словом видит обозначаемую им вещь. Чтобы выполнять функцию знака для вещи, слово должно, с одной стороны, опираться на свойства номинируемого предмета, а с другой — его значение должно быть отвлеченным от конкретного предмета как элемента ситуации. Слово, таким образом, биполярно ориентировано, оседая *значением в мысли и смыслом в вещи* (Выготский Л.С., 1966: 84, 86). Предметность восприятия непосредственно обуславливается дискурсивной деятельностью человека. Иначе говоря, слово обладает и предметным, и смысловым значением.

В существующей классификации значений предметное значение называется денотативным, поскольку под ним понимается отношение знака к денотату. В лингвистической практике обычно под предметным значением понимают либо образ, либо направленность знака на предмет. Такое определение не противоречит и большинству философских теориям значения. Так, в известной работе В.А. Штоффа читаем: «Интерпретатор < ... > относит знак к соответствующему предмету, отсылает к нему, указывает на него, и в этом смысле знак замещает предмет в процессах общения. И тогда знак является носителем главным образом *предметного значения* (выделено нами — *Н.А.*)» (Штоф В.А., 1972: 36). Несколько иное понимание предметного значения находим в психологии. Для Л.С. Выготского, например, предметное значение — это представление о предметности в сознании человека. Ученый пишет: «Изолированное существование вещей невозможно вне определенного предметного значения этих вещей» (Выготский Л.С., 1982: 276). Есть предположения, что под предметным значением психолог понимал знание человека об объекте знакообозначения с точки зрения предметной деятельности. В отличие от животных, человек воспринимает предметы не с точки зрения их внешних признаков, а с точки зрения их функционального предназначения.

Теорию Л.С. Выготского существенно развивает С.Л. Рубинштейн, определяя «предметное значение» как отнесенность чувственных данных к предмету. «Возникающие в процессе восприятия чувственные данные и формирующийся при этом наглядный образ тотчас же приобретают предметное значение, т.е. относятся к определенному предмету» (Рубинштейн, 1957: 43). Предметное значение служит связующим звеном между чувственным и образным познанием (Георгиева СИ. 2002: 108). С.Л. Рубинштейн эту идею выразил так: «Возникновение образа из чувственных качеств, в свою очередь, опосредованно предметным значением, к которому приводит истолкование этих же чувственных качеств» (Рубинштейн С.Л., 1957: 43).

Своим возникновением предметное значение обязано практической деятельности людей (общественной деятельности) в единстве с их чувственным восприятием. В результате между значением предмета и словом, обозначающим данный предмет, устанавливается прямая связь. Заметим, не между предметом и словом, а между *значением* предмета и словом. При этом под значением предмета следует понимать понятийное содержание отраженного в нашем сознании предмета. Ученый пишет: «... предмет определен понятием, закрепленным в слове», а затем отмечает, что в значении слова «зафиксированы при-

наки и свойства, вскрывшиеся в предмете в результате общественной практики и общественного опыта» (Рубинштейн С.Л., 1957: 43).

Как вытекает из приведенных суждений, мышление не сводимо к образованию понятий, как утверждалось ранее в отечественной психологии. И наоборот, особую актуальность приобретают данные исследований Л.С. Выготского о том, что «процессы мышления, наглядного и действенного, возникают задолго до образования понятий и сами являются продуктом долгого и сложного процесса развития детского мышления» (Выготский Л.С., 1982: 182). Наличие предметного значения позволяет говорить о реальности «довербального мышления» и «невербального значения».

Как показали исследования И.А. Соколянского, на начальном этапе развития ребенка мышление осуществляется еще без участия вербальных значений. Но именно на этом этапе складываются предпосылки овладения языком. «Генетические корни языка, по мнению А.Р. Лурия, следует искать вне языка, в тех формах конкретных человеческих действий, в которых осуществляется отражение внешней действительности и формирование субъективного образа объективного мира» (Лурия А.Р., 1975: 140). Эти выводы справедливы как для глухонемых детей, так и для детей, не имеющих отклонений в области зрения и слуха. Слово как выражение конкретных и общих понятий возникает у ребенка лишь в результате практического осознания им предметов (Н.Х. Швачкин). Со временем сформировалось положение о деятельностном происхождении значения слова. В связи с этим предметное значение стали рассматривать как средство довербальной репрезентации окружающего мира. Позднее к этой точке зрения примкнул А.Н. Леонтьев, понимая под предметным значением обобщенный *образ действия*: «За предметным значением образа скрыты породившие его действия, откристаллизовавшиеся способы их выполнения, в том числе и действия мысленные, символические» (в кн.: Леонтьев А.А. 2001: 10).

Опираясь на теорию деятельности А.Н. Леонтьева, К. Хольцкампа впервые показал отличие предметных значений от символических. Предметные значения, по мнению К. Хольцкампа, не сводимы к «фигурально-калитативным» особенностям предмета, т.е. его форме, размеру, цвету, материалу и т. д., хотя и связаны с ними. Существенным при восприятии является не форма предметов, а их применимость (способ действия с ними), так как в предметах сохраняются накопленные человечеством знания. Предметные значения характеризуют специфику человеческого восприятия, так если предмет не несет биологическую пользу или вред, животным он вообще не воспринимается. К. Хольцкампа, как и А.Н. Леонтьев, подчеркивает значимость функциональных свойств предмета в связи с деятельностной природой значения. Наряду с языковым и ролевым, А.А. Леонтьев (1983) рассматривает предметное значение как одну из форм существования значения и указывает, что предметное значение «существует на чувственной базе перцептивного образа, т.е. образа восприятия, памяти, воображения», «как некоторая характеристика образа реального предмета» (Леонтьев А.А., 1983: 11). Ученый впервые выделяет четыре основные функции предметного значения в структуре деятельности - мотивообразующую, целеобразующую, эталонную и

операциональную. Соответственно, предметное значение может выступать как образ-мотив, образ-цель. По данным А.А. Леонтьева, предметное значение метрично, а вербальное - топологично. В сопоставлении с вербальным, А.А. Леонтьев указывает на ситуативность предметного значения. В этом плане «предметное значение», по А.А. Леонтьеву, тесно связано с «личностным смыслом».

В структуре невербальных значений автор выделяет операциональное и предметное значение. Причем операциональное значение, генетически предшествуя предметному, является «моторным обобщением», «обобщенным отражением действительности», в виде образов внешних практических действий. Данная проблема остается открытой и для когнитивной семантики. Традиционно предметное значение отождествляется с денотатом или денотативным значением, что для когнитивно-семиологической теории слова неприемлемо. Предметное значение следует квалифицировать как средство довербальной репрезентаций действительности, т.е. как особую разновидность значения. И все же остается не выясненным, в чем специфика предметного значения: в инвариантности или в ситуативности. В связи с этим следует также установить статус метрических, фигурально-квалитативных признаков предмета. Являются ли они компонентами предметного значения? Или конституирующими для него оказываются исключительно функциональные свойства предмета. Однако предметное значение еще не значение языкового знака.

От предметного значения к значению языковому. Значение языкового знака формируется в соответствии с необходимостью языка (как семиотической системы) выполнять свое предназначение. Первый камень в фундамент значения языкового знака кладется в связи, с индикацией (дейктическая функция), второй — в связи с номинацией (предметной отнесенностью), все последующие выстраивают когнитивно-прагматический фасад, обращенный к внешнему и внутреннему миру человека — его сознанию. По образному определению Л.С. Выготского, «сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды». И далее: «Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» (Выготский Л.С., 1982: 17). Когнитивно-прагматические функции языка складываются в значении языкового знака денотативные, сигнификативные и коннотативные смыслы. Истинным знаком слово становится лишь тогда, когда завершается, по крайней мере, два знакообразующих процесса: (а) когда интериоризация (вращивание) предметного смысла приводит к полной эмансипации словесного знака от номинируемого предмета и формированию значения; (б) когда происходит высвобождение значения из словесного плена во внутренней речи. Таков путь формирования значения языкового знака. Но когнитивно-семиологическое развитие знака на этом не заканчивается. Значение языкового знака как форма «идеального присвоения» человеком его предметной деятельности — сущность операциональная, служащая смысловому обогащению означаемого знака. Смысл, таким образом, интенционален. Признаки операциональности/интенциональности отражают суть сопоставляемых категорий; смысл - интенция мышления, а значение операционально, поскольку операция

- результат знания, которое существует в форме значений. Смысловые приращения языкового знака связаны с субъектом познания (как с индивидуумом, так и с этнокультурным сообществом в целом), с его отношением к значению и с этноязыковыми особенностями дискурсивного мышления. Немаловажную роль при этом играют чувства и эмоции. Можно сказать, что чувства для смысла то же, что понятия для значений (Д.А. Леонтьев).

Итак, на заключительном этапе семиозиса происходит раздвоение в едином знакообразовательном процессе: в связи с необходимостью объективации значения и смысла возникают **языковые к речевые** знаки (подробнее см.: Алефиренко Н.Ф. 2006). При этом следует особо подчеркнуть: взаимодействие значения и смысла представляет собой не простое «переливание» социально обусловленных значений языковых знаков в личностные смыслы знаков речевых и наоборот. Этот процесс поистине диалектичен: а) в дискурсивной деятельности общественно выработанные (и поэтому объективные) значения обогащаются уникальными субъективными смыслами; б) в том же речемыслительном акте личностный смысл, входя в значение, возвышается до объективного и общественного. В первом случае языковое мышление нуждается в знаках **з ы к а**, а во втором, уже речемыслительная деятельность — в знаках **р е ч и**.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф. 2005; *Спорные проблемы семантики*. — Москва: 2005
- Алефиренко Н.Ф. 2006; *Когнитивная семантика: Миф или реальность? II* Вестник Томского государственного педагогического ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). Вып. 5 (56). - Томск, 2006. - С. 43-48.
- Бахтин М.М., 1979; *К философии поступка II* Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985.- Москва, 1979.
- Выготский Л.С., 1982; *Мышление и речь II* Собр. соч.: В 6 т. — Москва. 1982 Т. 2.
- Гегель, 1956; *Сочинения*. — Москва, 1956. — Т. 3.
- Георгиева СИ. 2002; *Познание культуры через фразеологию II* Слово. Фраза. Текст: Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. — Москва, «Азбуковник» 2002. С. 108 - 115.
- Леонтьев А.А., 1983; *Формы существования значения II* Психолингвистические проблемы семантики. —Москва, 1983.
- Леонтьев А. А. 2001; *Деятельный ум*. — Москва: 2001.
- Лурия А.Р., 1975; *Язык и сознание*. — Москва, 1979.
- Павлов И.П., \95\; *Полн. собр. соч.* — Москва, 1951.— Т. 3, кн. 2.
- Рубинштейн С.Л. 1957; *Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей связи явлений материального мира*. Москва, 1957.
- Соловьева Н.В., 1986; *Особенности трактовки термина «предметное значение» в современной науке II* Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. — Калинин. С. 50—59.
- ФЭ, 1962; *Философская энциклопедия*. Москва, 1962. Т. 2.
- Штоф В.А., 1972; *Введение в семантику*. - Москва, 1972.
- Schwarz M. 1992; *Einführung in die Kognitive Linguistik*. - Tübingen.